

DOI: 10.33184/dokbsu-2019.6.19

Особенности сочетаемости иероглифов в китайской классической поэзии и проблема перевода

Е. А. Морозкина, Чжао Паньпань*

Башкирский государственный университет

Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, улица Заки Валиди, 32.

*Email: zhaopanpan19@mail.ru

Статья посвящена исследованию особенностей сочетаемости иероглифов на грамматическом уровне и их переводов на русский язык. Актуальность данной статьи определяется тем обстоятельством, что проблема понимания и перевода китайских древних стихов с точки зрения грамматической связи между словами-иероглифами глубоко не исследовалась. В статье анализируются сочетания существительных с другими существительными, сочетания глаголов с существительными, сочетания прилагательных с глаголами, и отмечается определенная неточность в русскоязычных версиях перевода сочетаний иероглифов, что, неизбежно, приводит к утрате заложенных поэтом важных смыслов.

Ключевые слова: китайский древние стихотворения, иероглифическая письменность, сочетаемость иероглифов, русскоязычный перевод, существительное, прилагательное, глагол.

Классическая поэзия занимает крайне важное место в литературе и культуре Китая. Не будет ошибкой признать, что именно в древних стихотворениях заключена квинт-эссенция китайской цивилизации. Известно, что китайские древние стихи писались на иероглифическом языке, который в значительной мере не только определяет «ориентацию китайского искусства на нормативность типовой формы, многие его основополагающие приемы стиля и композиции, особенности процесса художественного творчества» [10, с. 60], но и накладывает «явственный отпечаток на самый тип национального мышления» [14, с. 90]. Иероглифы в классической поэзии служат средством создания поэтических образов и смыслов поэтических текстов. Как утверждает А. Генис, китайская письменность, пользуясь «не абстрактными понятиями, а конкретными вещами, сохранила архаическую поэтическую природу» [4]. Китайские стихи, это «особо организованные иероглифы, представленные наиболее выпукло и многогранно, где значимы все их конкретные и отвлеченные, слышимые и зримые, структурные и целостные качества» [3]. К тому же, слово-иероглиф в древнем языке может выражать одновременно существительное, прилагательное, наречие, глагол и т.п. – в зависимости от контекста. Как отмечает И. Лисевич, «язык старой китайской поэзии еще более лаконичен, емко и дискретен<...>, почти нет личных местоимений, нет указаний вре-

мени и числа, одно и то же слово может быть глаголом, прилагательным или существительным – все здесь зыбко, тонко и чувствительно к словесному окружению» [5, с. 9]. Все эти факторы являются причинами многообразных, порой противоречивых интерпретаций лирики древнего Китая. Перевод китайской иероглифической поэзии «труден вдвойне, ибо иероглиф зачастую полисемантичен, и это накладывает на переводчика массу дополнительных обязательств» [2, с. 11]. В связи с этим, с целью «снижения степени произвольности перевода, искажения смысловой интенции автора» [11, с. 199], при переводе древних стихотворенных текстов необходимо учитывать значения каждого иероглифа и, безусловно, их сочетаемость.

В классическом иероглифическом языке 文言 *вэньянь*, на котором творили древние поэты, лексическая единица – слово, как правило, записано одним иероглифом, который не имеет приставок, окончания, суффикса, и, следовательно, он может стоять в начале, середине, конце предложения в комбинации с другими словами-иероглифами. Известный китайский ученый Е Вэйлянь указывает на то, что красота китайской классической поэзии заключается в том, что в ней «используются неразмещенные, неопределенные отношения или неоднозначная лексическая грамматика, что позволяет читателям получить свободное пространство наблюдения, восприятия и интерпретации, а также и свободное понимание неопределенных связей между объектами» [15, с. 18]. При этом, смыслы стихотворной строки в значительной степени обусловлены сочетаниями иероглифов. Как отмечает И. С. Смирнов, в языке *вэньянь* «огромную роль играет место слова в предложении, т.е. его простое, практически без дополнительных языковых средств соположение с соседними» словами [14, с. 90]. Иначе говоря, место и соседство слов в стихах наделяют каждый иероглиф грамматической функцией, что позволяет по-разному интерпретировать иероглифы, которые используются поэтом в разных комбинациях слов и предложений. В статье попытаемся проанализировать некоторые сочетания иероглифов на грамматическом уровне и выяснить, насколько удачно они переведены в русскоязычных версиях.

Анализ китайской древней письменности позволяет прийти к выводу о том, что комбинации слов в древних стихах обретают более или менее определенные грамматические свойства в зависимости от своего положения в контексте. Если соотношение сочетания 明月 *минь юэ*, в котором словарные значения первого иероглифа – «светлый», второго – «луна», представляется атрибутивным, то, наоборот, соотношение сочетания 月明 *юэ минь* – «луна светла» оказывается предикативным. Такое же соотношение существуют в парах 黄叶 *хуань е* – «желтые листья», 叶黄 *е хуань* – «листья желты» и 落花 *ло хуа* – «опавшие цветы», 花落 *хуа ло* – «цветы опадают». Переводя эти сочетания, переводчики предпочитают сохранить их оригинальные соотношения. К примеру, при переводе стихов 落花踏尽游何处，笑入胡姬酒肆中 (*Опавшие цветы приняв все, в каком направлении идет? / С улыбкой въезжает к хуской деве, в ее винный погреб*) и 细雨春风

落花时 (И в мелкий дождь, и в ветре весны, когда опадают цветы). сохраняя сочетания «опавшие цветы» и «цветы опадают», переводчик В. М. Алексеев дает нам точный и адекватный перевод.

Весьма часто встречаются в древних стихах сочетания двух или более существительных. Для языка китайских стихов характерно простое соположение слова со следующими за ним словами без соединительных элементов. Такое языковое средство рассматривается как простое помещение природного явления рядом с другим явлением. Древние китайские поэты «не сравнивают одну вещь с другими, а ставят рядом<...>, выстраивают иероглифы параллельными рядами: каждому слову в первой строке соответствует слово из второй» [4, с. 376]. Такая особенность сочетания слов-иероглифов создает трудности при их переводе на русский язык, где слова сочетаются строго по нормам грамматики. В стихотворениях часто появляются такие сочетания, как 春容 (весна-лик), 秋发 (осень-волос), 秋月 (осень-луна), 山鸟 (гора-птица), 云雨 (облако-дождь), 花月 (цветок-луна), 风波 (ветер-волна), 桃李颜 (персик-слива-лицо), 胡地妾 (варварские земли-наложница), 汉宫人 (ханьский дворец-человек), 胡兵 (варвар-войска) и т.п. В большинстве случаев первый иероглиф, т.е. первое существительное в сочетании переводится на русский язык как относительное определение к второму. Переводы оказываются такими, как «весенний лик», «осенний волос», «осенняя луна», «горная птица». Однако, полагаем, что в некоторых сочетаниях существительных первое слово по значимости не подчинено соседнему и переводится, как правило, с приемом совместного размещения слов. Как например, сочетания 云雨 (облако-дождь), 花月 (цветок-луна), 风波 (ветер-волна) в переводе В. М. Алексеева выглядят как «туча-дождь», «цветы, луна», «волны и ветер». Бывают случаи, когда существительное, стоящее перед другим существительным, переводится существительным в родительном падеже или существительным с предлогом, в результате чего порядок слов в переводе меняется: 桃李颜 (персик-слива-лицо) – «лицо персика, сливы», 胡地妾 (варварские земли-наложница) – «наложница варварских стран», 汉宫人 (ханьский дворец-человек) – «человек из ханьских дворцов».

Глаголы и существительные в древних стихах являются основой предложения. Глаголы, как правило, помещаются после существительного или в конце строки. В такой ситуации переводчику, по нашему мнению, будет легче верно интерпретировать смысл сочетания иероглифов. Трудность перевода глаголов заключается в том, что глаголы употребляются в сочетании с существительными, будучи определением к ним. Чаще всего эти слова переводятся прилагательными. Например, сочетания 落花 (опадать-цветок), 流水 (течь-вода), 思妇 (тосковать-женщина), 归鸟 (вернуться-птица) переведены на русский язык как «опавшие цветы», «текущая вода», «тоскующая женщина», «вернувшаяся птица». Приводим сопоставительный анализ русскоязычных переводов строк из стихотворения Ли Бо, выполненных В. М. Алексеевым и А. И. Гитовичем:

浮云游子意, Фу юнь ю цзы и,
落日故园情 ло жи гу жэнь цин.

Плывущие тучи – вот твои мысли бродят,
вечернее солнце – вот тебе друга душа. (Перевод В. М. Алексеева)

Словно **легкое облачко**, ветер тебя понесет.
Для меня ты – как **солнце**, ужели же **время заката**? (Перевод А. И. Гитовича).

В оригинале заложено два ключевых поэтических образа – фу юнь (плыть-облако) и ло жи (падать-солнце). Образ *фу юнь* плывущего облака – кроме прямого словарного значения, имеет и метафорическое – нестабильная жизнь человека. «Солнце закатывается» ассоциируется с течением времени, с печалью разлуки. В. М. Алексеев перевел глаголы «плыть» и «падать» определением «плывущий» и «вечерный», что также оправданно: слово «плывущий» соответствует смыслу и буквальному и контекстуальному, описанному в оригинале; прилагательное «вечерный» вызывает у русского читателя утонченные ассоциации, связанные с одиночеством человека на лоне природы. Переводя глагол «плыть», А. И. Гитович выбрал слово «легкий», что в определенной степени искажает смысл оригинала, поскольку читая словосочетание «легкое облачко», у читателя может сложиться ошибочное ощущение, что у лирического героя легкое, радостное настроение. В связи с этим, при переводе сочетаний глаголов с существительным, переводчику необходимо найти слова, сходные со словами в оригинале по буквальному и контекстуальному смыслам для того, чтобы «передать красоту содержания и стиля оригинала, не утрачивая его художественных особенностей» [13, с. 231].

Интересно, что прилагательное в текстах классической китайской поэзии употребляется в сочетании с глаголом. В этом случае имя прилагательное выступает как наречие и обозначает обстоятельство действия. В стихотворениях Ли Бо часто появляются такие прилагательные как 愁 «грустный», 孤 «одинокий», 高 «высокий», 寒 «холодный», 懒 «ленивый» и т.п. В качестве примера рассмотрим использование прилагательного 愁 «грустный» в разных стихотворениях Ли Бо:

荷花娇欲语, 愁杀荡舟人

Лотос, -почти говорит,-

Мой баловень нежный, любимый,

И в лодке проплывшего мимо

Грустью меня он **разит**. (Перевод Ю. К. Шуцкого).

愁作秋浦客, 强看秋浦花

С тоскою живу скитальцем в Осенней Заводи.

С усильем гляжу в цветы Осенней Заводи. (Перевод В. М. Алексеева).

无人知所去, 愁倚两三松

Кто скажет мне,

Куда ушел мой друг?

У старых сосен

Я стою один. (Перевод А. И. Гитовича).

思君不可得, 愁见江水碧

Лишь вспоминать отныне мне дано,

Лазурь воды рождает в сердце грусть. (Перевод С. А. Торопцева).

Как видим, в этих стихах поэт использовал сочетания иероглифов 愁杀 *грустно поражать*, 愁作 *грустно побывать*, 愁倚 *грустно прислоняться*, 愁见 *грустно видеть*. Сохранив прилагательное 愁 *грустный* и глаголы 杀 *поражать* и 作 *побывать*, переводчики Ю. К. Щуцкий и В. М. Алексеев перевели слово “грустный” существительным в творительном падеже или с предлогом, а именно: грустью [меня он] разит, с тоскою живу, что точно передает грустное настроение лирического героя. Переводы этих двух переводчиков, на наш взгляд, точны и удачны. Однако в переводе А. И. Гитовича опущено слово “грустный”, что может изменить восприятие текста оригинала читателем. В прилагательном “грустный” воплощалось у поэта Ли Бо такое настроение, как разочарование, грусть из-за того, что он не встретил друга. Такой смысл в переводе А. И. Гитовича оказался утраченным. В переводе С. А. Торопцева намного изменилась структура стиха. В последней строке 愁见江水碧 (*подстрочный перевод Чжао П. П. – Грустно смотрел на лазурную реку*) поэт Ли Бо непосредственно выражал свою грусть, когда видел лазурную реку. Переводчик заменил лирического героя природным предметом «лазурь воды» и перевел как «лазурь воды рождает в сердце грусть», что затрудняет восприятия стихотворения русскоязычным читателем и приводит «к изменению смысловой составляющей поэтического текста»[12, с. 1147].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что китайская иероглифическая письменность придает уникальную красоту древним китайским стихам и по форме и по смыслу. Особенности сочетаемости иероглифов играют значительную роль в образовании поэтических образов и смыслов стихотворных текстов, что необходимо учитывать при переводе. В китайских древних стихотворениях часто используются сочетания существительных с другими существительными, сочетание глаголов с существительными, сочетания прилагательных с глаголами. При интерпретации сочетаний иероглифов, переводчикам следует учитывать их грамматические соотношения, а также их контекстуальные значения в стихотворных текстах, чтобы «передать читателю истинную полноту поэтического чувства автора, его подлинную мысль, его неподдельный образ, передать золото за золото без этнографической клеветы» [1, с. 100].

Литература

1. Алексеев В. М. Труды по китайской литературе. В 2 кн. Кн.1. М.: Вост. лит., 2002. 574 с.
2. Бекметов Р. Ф. Л. З. Эйдлин и китайская литература: библиографический указатель / Р. Ф. Бекметов. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. – 70 с.
3. Городецкая О. М. Поэтика иероглифа (размышление переводчика). URL: <http://baruchim.byethost8.com/Gorodetskaya.html>
4. Генис А. Билет в Китай / СПб.: Амфора, 2001. 335 с.
5. Китайская пейзажная лирика. Под ред. В. И. Семанова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 320 с.
6. Ли Бо. В переводе В. М. Алексеева / СПб.: Кристалл, 1999.- (Б-ка мировой лит. Малая серия). URL: http://lib.ru/POECHIN/libo_al.txt
7. Ли Бо. В переводах А. И. Гитовича / СПб.: Кристалл, 1999.- (Б-ка мировой лит. Малая серия). URL: http://lib.ru/POECHIN/libo_git.txt
8. Ли Бо. В различных переводах. / СПб.: Кристалл, 1999.- (Б-ка мировой лит. Малая серия). URL: http://lib.ru/POECHIN/libo_others.txt
9. Ли Бо. Стихи в переводе Сергея Торопцева. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9B/li-bo/stihi-v-perevode-sergeya-toropceva>
10. Малявин В. В. Традиционная эстетика а странах Востока. М.: Знание, 1987.
11. Морозкина Е. А., Филиппова. Ю. А. Моделирование перевода цветовой метафоры в художественных текстах разноструктурных языков с опорой на антиномию «разъединения» и «слияния» // Вестник Башкирского университета. 2016. Т. 21. №1. С. 196–201.
12. Морозкина Е. А., Чжао Паньпань. Перевод прецедентов «дяньгу» в поэзии Ли Бо // Вестник Башкирского университета. 2018. С. 1144–1148.
13. Морозкина Е. А., Чжао Паньпань. Перевод китайской классической поэзии в России и за рубежом: к истории вопроса // Вестник Башкирского университета. 2019. Т. 24. №1. С. 229–233.
14. Смирнов И. С. Китайская поэзия: в исследованиях, заметках, переводах, толкованиях / Отв. редактор Б. Л. Рифтин. М.: РГГУ, 2014. 640 с.
15. 叶维廉. 中国诗学. 北京: 生活·读书·新知三联书店, 1996. 304 页. Е Вэйлянь. Китайская поэтика. Пекин: Издательство Саньянь. 1996. 304 с.

Статья рекомендована к печати кафедрой лингводидактики и переводоведения Башкирского государственного университета.

Specificities of compatibility of hieroglyphs in Chinese classical poetry and the problem of translation

E. A. Morozkina, Zhao Panpan*

Baskir State University

32 Zaki Validi Street, 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.

*Email: zhaopanpan19@mail.ru

The article is devoted to the study of the specificities of combining hieroglyphs at a grammatical level and its' translation into Russian. The relevance of this article is determined by the fact that the understanding and translation of Chinese ancient poems from the view of the grammatical connection between the hieroglyphic words has not been deeply studied. The article analyzes combinations of nouns with other nouns, combinations of verbs with nouns, combinations of adjectives with verbs, and there is a certain inaccuracy in the Russian translation of combinations of hieroglyphs, which, inevitably, leads to the loss of important meanings laid down by the poet.

Keywords: Chinese ancient poems, hieroglyphic writing, compatibility of hieroglyphs, Russian translation, noun, adjective, verb.